

водку)' (стр. 39), в этом значении употребляются их понудительные формы: мокш. *ѣтафтoms*, эрз. *ютавтомс*. Эрз. *куродомс*, кроме значений 'загнать, напасть', употребляется в значении 'застать врасплох'.

Перечисленные недостатки не снижа-

ют общей ценности работы. Они легко исправимы.

Работа Г. И. Баткова, несомненно, имеет теоретическое и практическое значение. Ее положения будут использованы при составлении толковых словарей мордовских языков.

И. С. БУЗАКОВ (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.1.12>

А. Ю. Кюннап, Склонение и спряжение в самодийских языках (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменяемых суффиксов). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Тарту 1974.

Отрадно отметить, что в изучении самодийских языков, считавшемся еще недавно наиболее отсталой областью уралистики, в последние годы намечаются довольно значительные сдвиги. Об этом наглядно свидетельствует ряд публикаций как монографий, так и статей в различных сборниках, а также защищенные и подготавливаемые к защите диссертации.¹

В этой связи особо следует отметить состоявшуюся 15 ноября 1974 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета защиту докторской диссертации А. Кюннапом «Склонение и спряжение в самодийских языках (Сравнительно-исторический анализ первичных словоизменяемых суффиксов)». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук Н. М. Терещенко (Ленинград), профессор, доктор филологических наук К. Е. Майтинская (Москва), профессор, доктор филологических наук З. М. Дубровина (Ленинград).

Автор диссертации представляет эстонскую школу самоедологов, основанную по инициативе и под непосредственным руководством академика АН ЭССР, доктора филологических наук профессора П. Аристэ. Этим обстоятельством и

определилось, по-видимому, в известной мере основное направление интересов диссертанта — сравнительно-историческая уралистика.

Начав свои исследовательские штудии с языка наибольшей по численности самодийской народности — ненцев (единственная самодийская народность, имеющая письменность), А. Кюннап сосредоточил в дальнейшем внимание на языке последних представителей самодийцев Саянского нагорья. В ходе дальнейшего изучения он привлекал сведения селькупского языка (наиболее близкого саяно-самодийским языкам), а также северно-самодийских (ненецкого, энецкого, нганасанского). В результате диссертация А. Кюннапа посвящена сравнительно-историческому анализу пяти самодийских языков: четырех живых (ненецкого, энецкого, нганасанского, селькупского) и одного практически в наши дни уже исчезнувшего (обозначаемого обычно термином камасинский). На этой основе сложился научный труд, построенный в отчетливо выраженной системе и по определенному методу.

На избранном пути (как отмечает это и сам диссертант) перед ним стоял ряд объективных трудностей (отсутствие древних письменных памятников, недостаточность опубликованных работ, особенно по нганасанскому и энецкому языкам, и т. п.). Несмотря на это автору диссертации удалось показать, что уже на данном этапе изучения самодийских языков их сравнительно-исторический анализ не только возможен, но и необходим, по-

¹ Подробнее см.: Н. М. Терещенко, Основные проблемы изучения самодийских языков. — ВЯ 1975, № 1, стр. 111—121; см. также рецензии А. Кюннапа: СФУ X 1974, стр. 269—275; СФУ XI 1975, стр. 66—69.

сколькo он служит целям дальнейшего более интенсивного исследования.

Рецензируемая работа представляет собой продолжение защищенной А. Кюннапом в 1969 году в Тарту кандидатской диссертации «Флективные суффиксы камасинского языка (в сравнении с флективными суффиксами других южносамодийских языков)». ² Уже сама целесообразная направленность и последовательность в разработке определенной проблематики достаточно красноречиво говорят об устойчивых интересах исследователя.

Структура работы последовательна и вполне логична. Диссертация состоит из введения, четырех глав и заключения. В приложении даны перечень принятых сокращений и список использованной литературы.

Во введении определяются цель и задачи исследования, обосновывается правомерность использования понятия праязык при сравнительно-историческом анализе, поясняется транскрипция, излагается точка зрения автора диссертации на соотношение в изучаемых им языках словоизменения и словообразования, причем показатели наклонений и времен рассматриваются в историческом плане как частный случай проявления отглагольных имен, т. е. как частный случай словообразования. Что касается показателей числа, личных и падежных суффиксов, то здесь, по мнению диссертанта, в большинстве случаев мы имеем дело со словоизменением «прасамодийского, частично и прауральского происхождения».

В первой главе анализируются показатели числа, подчеркивается различие в этом отношении между разными подгруппами самодийских языков. С исторической точки зрения числовые показатели распределяются по двум сферам применения, одну из которых диссертант обозначает как именную, другую — как местоименную. Далее подробно разбираются имевшиеся в прасамодийском языке чис-

ловые показатели двойственного и множественного числа. ³

По вполне понятным причинам наибольшей по своему объему является вторая глава, в которой рассматриваются падежные форманты. Особое внимание уделяется спорным вопросам, по которым у исследователей самодийских языков не сложилось еще единого мнения, в частности наличию падежной формы генитива, происхождению аккузатива, особенностям образования местных падежей, довольно существенно различающихся в разных самодийских языках, и инструменталу в южносамодийской подгруппе. Диссертантом ставится вопрос о возникновении в северносамодийской подгруппе дезидеративного (или предназначенного) склонения, имеющего меньшее число падежных форм по сравнению с основным склонением, и высказывается гипотеза об истоках его форманта. В соответствии с мнением диссертанта, падежные суффиксы получают не только имена, но и инфинитивные формы глагола, наречия, послелого.

Третья глава посвящена анализу личных суффиксов, твердое ядро системы которых, по выражению А. Кюннапа, берет свое начало от прасамодийских личных суффиксов. Рассмотрению генезиса последних предшествуют соображения о ходе развития в самодийских языках субъектного и объектного (точнее, вероятно, субъектно-объектного — Н. Т.) спряжений, широко представленных в северносамодийских языках. Анализируя данные других уральских языков, диссертант приходит к выводу о наибольшей близости в этом отношении между самодийскими и обско-угорскими (особенно мансийским) языками. И в тех и в других одним из средств выражения определенности объекта в предложении служит логически подударный предикат в форме объектного спряжения. В диссертации подчеркивается генетическая связь между личными формантами объектного спряжения и суффиксами номинатива посессивного склонения.

Четвертая глава освещает вопрос о происхождении показателей наклонений и времен, реконструкции которых действительно «особенно сильно гипотетичны». Диссертантом устанавливается, что значительная часть формантов рас-

² Указанная работа подготовлена к печати ее автором и издана: А. Кюннап, *System und Ursprung der kamasischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion*, Helsinki 1971.

³ Ни один из самодийских языков не имеет специального показателя единственного числа.

сма­три­вае­мых ка­те­го­рий име­ет эти­мо­ло­гиче­ские со­от­вет­ствия с по­ка­за­те­ля­ми де­е­при­час­тий и при­час­тий. Выска­зы­ва­ет­ся пред­по­ло­же­ние, что уже в пра­са­мо­дий­ском язы­ке за опре­де­лен­ны­ми фор­ман­та­ми от­гла­голь­ных имен за­кре­пи­лись функ­ции кон­ъюнк­тива-кон­ди­ци­о­на­ла и им­пе­ра­тива.

В за­клю­че­нии под­твер­жда­ет­ся при­ня­тое в ли­те­ра­ту­ре де­ле­ние са­мо­дий­ских язы­ков на две под­груп­пы и ус­та­нав­ли­ва­ют­ся важ­ней­шие раз­ли­чия между эти­ми под­груп­па­ми в об­ла­сти сло­во­из­ме­не­ния. Здесь же по­лу­ча­ет даль­ней­шее обос­но­ва­ние идея ураль­ско­го род­ства са­мо­дий­ских сло­во­из­менитель­ных суф­фик­сов, на­чи­ная с по­ка­за­те­лей чис­ла.

Как можно за­клю­чить из из­ло­жен­но­го, рецен­зи­руе­мая ра­бо­та яв­ля­ет­ся пер­вым фронталь­ным ис­сле­до­ва­нием, а­на­ли­зи­ру­ю­щим в срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ском плане пер­вич­ные (а ча­стич­но и вто­рич­ные) сло­во­из­менитель­ные фор­ман­ты са­мо­дий­ских язы­ков, и по­то­му бес­спор­но ак­туаль­на. В дис­сер­та­ции убе­ди­тель­но по­ка­за­но, что гипотетически вос­ста­нав­ли­вае­мые сло­во­из­менитель­ные суф­фик­сы са­мо­дий­ских язы­ков рекон­струи­ру­ют­ся как очень древ­ние, а часть из них вос­хо­дит к ураль­ско­му пра­язы­ку.

Дис­сер­тант пре­крас­но знает отече­ствен­ную и за­ру­беж­ную спе­ци­аль­ную ли­те­ра­ту­ру. Значительная часть ма­те­ри­ала от по­след­них пред­ставителей са­мо­дий­цев Са­ян­ско­го на­горья соб­ра­на им во время по­ез­док в Си­бирь. Он рас­по­ла­га­ет све­де­ния­ми и по дру­гим са­мо­дий­ским язы­кам. А. Кюннапу уда­лось широ­ко при­влечь архив­ные ма­те­ри­алы М. А. Кас­тер­на и К. Дон­нера, хра­ня­щие­ся в Хель­син­ки­ском уни­вер­си­те­те, а также по­ло­же­ния из неопубликованных лек­ци­он­ных курсов Т. Лехтисало и А. И. Йоки.

Дис­сер­та­ция охватывает широ­кий круг про­блем, автор рекон­струи­рует боль­шое чис­ло сло­во­из­менитель­ных суф­фик­сов не толь­ко пер­вич­но­го, но в ряде слу­чаев и вто­рич­но­го про­ис­хо­жде­ния. Дис­сер­тант владеет ме­то­дом срав­ни­тель­но-ис­то­ри­че­ско­го а­на­ли­за и значительное бо­ль­шин­ство про­из­во­димых им рекон­струк­ций пред­став­ля­ет­ся убе­ди­тель­ным. Ду­ма­ет­ся, одна­ко, что из-за от­сут­ствия древ­них пись­мен­ных па­мят­ни­ков и до­ста­точ­но об­шир­ных пуб­ли­ка­ций как тек­стов, так и на­уч­ных ра­бот по от­дель­ным

са­мо­дий­ским язы­кам при вос­ста­нов­ле­нии пра­форм не всегда воз­мож­ны од­но­знач­ные ре­ше­ния. В таком по­ло­же­нии осо­бенно важен учет ре­аль­но су­ще­ствую­щих язы­ко­вых фак­тов, что А. Кюннап по воз­мож­но­сти и де­ла­ет, по­сколь­ку в силу ука­зан­ных выше при­чин не всегда рас­по­ла­га­ет не­об­хо­ди­мой ин­фор­ма­цией.

С моей точки зрения, не­сколь­ко боль­шее обо­бще­ние приведенных в ра­бо­те фор­ман­тов могло бы ока­заться по­лез­ным для цель­но­го и ясно­го об­зора их систе­мы. Не­об­хо­ди­мо при этом учи­ты­вать, что ряд фонетических вариантов чис­ловых, па­деж­ных, по­се­с­сив­ных и лич­ных по­ка­за­те­лей яв­ля­ет­ся, не­сом­нен­но, ре­зуль­та­том суб­ъек­тив­но­го вос­при­я­тия и мог бы быть огово­рен осо­бо. Это от­но­сится, в ча­ст­но­сти, к фор­ман­там двой­ствен­но­го чис­ла не­нец­ко­го и н­ган­сан­ско­го язы­ков.

Сле­дует ука­зать, к че­сти дис­сер­тан­та, что он сумел избе­жать отождествления со­вре­мен­ных са­мо­дий­ских язы­ков с их про­шлым со­сто­я­нием, что ха­рак­терно для не­ко­то­рых за­ру­беж­ных язы­коведов. Так, вполне за­ко­но­мер­но став­ить во­прос об имен­ном про­ис­хо­жде­нии су­ще­ствую­щих гла­голь­ных форм (как это де­ла­ет ряд ис­сле­до­ва­те­лей и по дру­гим язы­кам), но не­за­ко­но­мер­но утвер­ждать, что спря­же­ние в со­вре­мен­ных са­мо­дий­ских язы­ках есть ни что иное как па­ра­ди­гма гла­голь­ных имен, оформ­лен­ных лич­ными гла­голь­ными суф­фик­сами.⁴ Не­льзя вме­сте с тем не учи­ты­вать, что в про­шлом раз­ви­тии язы­ка т. н. имена не бы­ли, по­ви­ди­мо­му, именами в со­вре­мен­ном их по­ни­ма­нии.⁵ Имя как осо­бая часть речи могла сложиться лишь в про­ти­во­пос­та­в­ле­нии гла­голу как осо­бой мор­фо­ло­гиче­ской си­сте­ме. Со­вре­мен­ные са­мо­дий­ские язы­ки пред­став­ля­ют со­бой ре­зуль­та­т длитель­но­го и очень слож­но­го раз­ви­тия, ко­то­рое про­дол­жа­ет­ся. Ес­тес­вен­но, что их пра­фор­мы могут вос­ста­нав­ли­вать­ся лишь гипотетическим пу­тем. Толь­ко пред­по­ло­жи­тель­но может вос­ста­нав­ли­вать­ся и то древ­нее их со­сто­я­ние, при ко­то­ром имя и гла­гол еще не раз­ли­ча­лись между со­бой. В со­вре­мен­ных язы­ках раз­ли­чие меж­

⁴ I. N.-Sebestyén, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII 1970.

⁵ См. К. Е. Май­тин­ская, К во­про­су об исто­ках мор­фо­логии ураль­ских язы­ков. — СТИФУ These I, стр. 21.

ду этими морфологическими системами принадлежит к числу наиболее отчетливо выраженных.

На мой взгляд, не всегда оправдывается отнесение в диссертации некоторых аналитических образований к вторичным падежам. Прежде всего это касается форм двойственного числа северносамодийских языков. В парадигмах, приведенных в грамматике М. А. Кастрена⁶, послелог обозначается слитно с предшествующим существительным, почему конечный гортанный смычный в нем не отмечается. На самом же деле здесь перед нами своеобразное сочетание знаменательного слова со служебным; например, нен. *tehe' ña'* 'к оленям-двум', *tehe' ñana* 'у оленей-двух', *tehe' ñad* 'от оленей-двух' и т. д. О том, что послелоги *ña'*, *ñana*, *ñad* и т. д. не стали еще «вторичными падежными окончаниями» (стр. 55), наглядно свидетельствует как их восприятие самими говорящими, так и характер присоединения к именной форме лично-притяжательного суффикса (в двойственном числе он предшествует послелогу, а в единственном и множественном ставится после падежного форманта), ср. *tehe-ta ñana* 'у оленей-двух-его' и *te-he'na-ta* 'у оленей-многих-его'.

Послелог *ña'* заменяется в определенных случаях другими послелогими, например, *tehe' t'ahana* 'позади оленей-двух', *tehe' ñiña* 'на оленях-двух' и др.

⁶ М. А. Castrén, Grammatik der samojedischen Sprachen, Sankt-Petersburg 1854.

⁷ Там же.

Гортанные смычные фонемы, как это признает и диссертант, в ненецком и энецком языках имеют очень большое значение не только в фонетической, но и в грамматической структуре. В языках разграничение этих фонем проводится вполне последовательно, каждая из них закрепляется на вполне определенном месте и параллельное их использование в одной и той же форме невозможно. Обе эти фонемы возникли в результате развития различных согласных. Подобно другим фонемам гортанные смычные нуждаются в различном обозначении, как это делал в свое время М. А. Кастрен⁷ и как это проводится в учебной литературе на ненецком языке.

Имевшиеся у оппонентов замечания и соображения не оказали сколько-нибудь существенного влияния на общую положительную оценку рецензируемой диссертации. В заключение следует подчеркнуть, что работа А. Кюннапа представляет собой значительный вклад в развитие самоэдиистики как самостоятельной дисциплины. Его наблюдения и выводы дают прочную основу для дальнейших исследований в этой области, а также ориентируют на углубленное изучение отдельных проблем как в области теории грамматики, так и других аспектов самодийских языков. Издание рецензируемой работы можно только приветствовать — она, несомненно, вызовет интерес широкого круга уралистов.

Н. М. ТЕРЕЩЕНКО (Ленинград)